

Александр Островский

Последняя жертва

Часть сборника
Бешеные деньги (сборник)

Александр Островский
Последняя жертва

«Public Domain»

1877

Островский А. Н.

Последняя жертва / А. Н. Островский — «Public Domain», 1877

«Михевна. Девушки, кто там позвонил? Вадим Григорьич, что ли? Глафира Фирсовна (входя). Какой Вадим Григорьич! Это я. Вадим-то Григорьич, чай, позже придет. Михевна. Ах, матушка, Глафира Фирсовна! Да никакого и нет Вадима Григорьича; это я так, обмолвилась. Извините!..»

Содержание

Действие первое	5
Явление первое	6
Явление второе	9
Явление третье	12
Явление четвертое	13
Явление пятое	14
Явление шестое	15
Явление седьмое	16
Явление восьмое	19
Действие второе	22
Явление первое	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Последняя жертва

Действие первое

Действующие лица

Юлия Павловна Тугина, молодая вдова.

Глафира Фирсовна, тетка Юлии, пожилая, небогатая женщина.

Вадим Григорьевич Дульчин, молодой человек.

Лука Герасимыч Дергачев, приятель Дульчина, довольно невзрачный господин и по фигуре, и по костюму.

Флор Федулыч Прибытков, очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причесан и одет очень чисто.

Михевна, старая ключница Юлии.

Небольшая гостиная в доме Тугиной. В глубине дверь входная, направо (от актеров) дверь во внутренние комнаты, налево – окно. Драпировка и мебель довольно скромные, но приличные.

Явление первое

Михевна у входной двери, потом Глафира Фирсовна.

Михевна. Девушки, кто там позвонил? Вадим Григорьич, что ли?

Глафира Фирсовна (*входя*). Какой Вадим Григорьич! Это я. Вадим-то Григорьич, чай, позже придет.

Михевна. Ах, матушка, Глафира Фирсовна! Да никакого и нет Вадима Григорьича; это я так, обмолвилась. Извините!

Глафира Фирсовна. Сорвалось с языка, так уж нечего делать, назад не спрячешь. Эка досада, не застала я самой-то! Не близко место к вам даром-то путешествовать; а на извозчиков у меня денег еще не нажито. Да и разбойники же они! За твои же деньги тебе всю душеньку вытрясет, да еще, того гляди, вожжами глаза выхлестнет.

Михевна. Что говорить! То ли дело свои...

Глафира Фирсовна. Что, свои? Ноги-то, что ли?

Михевна. Нет, лошади-то, я говорю.

Глафира Фирсовна. Уж чего лучше! Да только у меня свои-то еще на Хреновском заводе; все купить не сберусь – боюсь, как бы не ошибиться.

Михевна. Так вы пешочком?

Глафира Фирсовна. Да, по обещанию, семь верст киселя есть. Да вот не в раз; видно, придется обратно на тех же, не кормя.

Михевна. Посидите, матушка! она, надо быть, скоро воротится.

Глафира Фирсовна. А куда ее бог понес?

Михевна. К вечеренке пошла.

Глафира Фирсовна. За богомолье принялась. Аль много нагрешила?

Михевна. Да она, матушка, всегда такая; как покойника не стало, все молится.

Глафира Фирсовна. Знаем мы, как она молится-то.

Михевна. Ну, а знаете, так и знайте! А я знаю, что правду говорю, мне лгать не из чего. Чайку не прикажете ли? У нас это мигом.

Глафира Фирсовна. Нет, уж я самое подожду. (*Садится.*)

Михевна. Как угодно.

Глафира Фирсовна. Ну, что ваш плезир-то?

Михевна. Как, матушка, изволили сказать? Не дослышала я...

Глафира Фирсовна. Ну, как его поучтивей-то назвать? Победитель-то, друг-то милый?

Михевна. Не понять мне разговору вашего, слова больно мудреные.

Глафира Фирсовна. Ты дуру разыгрываешь, аль стыдишься меня? Так я не барышня. Поживешь с мое-то, да в бедности, так стыдочек-то всякий забудешь, ты уж в этом не сомневайся. Я про Вадима Григорьича тебя спрашиваю...

Михевна (*приложив руку к щеке*). Ох, матушка, ох!

Глафира Фирсовна. Что заохала?

Михевна. Да стыдно очень. Да как же вы узнали? А я думала, что про это никому не известно...

Глафира Фирсовна. Как узнала? Имя его ты сама сейчас сказала мне: Вадимом Григорьичем окликнула.

Михевна. Эка я глупая!

Глафира Фирсовна. Да, кроме того, я и от людей слышала, что она в приятеля своего много денег проживает. Правда, что ли?

Михевна. Верного я не знаю; а как, чай, не проживать! Чего она для него пожалеет!

Глафира Фирсовна. То-то муж-то ее, покойник, догадлив был; чувствовало его сердце, что вдове деньги понадобятся, и оставил вам миллион.

Михевна. Ну, какой, матушка, миллион! Много меньше.

Глафира Фирсовна. Ну, уж это у меня счет такой: я все на миллионы считаю; у меня, что больше тысячи, то и миллион. Сколько в миллионе денег, я и сама не знаю, а говорю так, потому что это слово в моду пошло. Прежде, Михевна, богачей-то тысячками звали, а теперь уж все сплошь миллионщики пошли. Нынче скажи-ко про хорошего купца, что он обанкрутился тысяч на пятьдесят, так он обидится, пожалуй, а говори прямо на миллион, либо два, – вот это верно будет. Прежде и пропажи-то были маленькие, а нынче вон в банке одном семи миллионов недосчитались. Конечно, у себя-то в руках и приходу, и расходу больше полтины редко видишь; а уж я такую смелость на себя взяла, что чужие деньги все на миллионы считаю; так-то свободно об них разговариваю. Миллион – и шабаш! Как же она: вещами, что ль, дарит ему, аль деньгами?

Михевна. Про деньги не знаю, а подарки ему идут поминутно, и все дорогие. Ни в чем у него недостатка не бывает, и в квартире-то все наше: то она ему чернилицу новую на стол купит со всем прибором...

Глафира Фирсовна. Чернилица новая, дорогая, а писать нечего.

Михевна. Какое писанье! когда ему! Он и дома-то не живет. И занавески ему на окна переменит, и мебель всю заново. А уж это посуда, белье и что прочее, так он и не знает, как у него все новое является, – ему-то все кажется, что все то же. Да чего уж, до самой малости: чай с сахаром, и то от нас туда идет.

Глафира Фирсовна. Все еще это не беда, стерпеть можно. Разные бабы-то бывают: которая любовнику вещами – та еще, пожалуй, капитал и сбережет; а которая деньгами, ну, уж тут разоренье верное.

Михевна. Сахару больно жалко: много его у них выходит... Куда им пропасть этакая?

Глафира Фирсовна. Как же это у вас случилось, как ее угораздило такой хомут на шею надеть?

Михевна. Да все эта дача проклятая. Как жили мы тогда, вскоре после покойника, на даче, – жили скромно, людей обегали, редко когда и на прогулку ходили, и то куда подальше; тут его и нанесло, как на грех. Куда ни выдем из дому, все встретится, да встретится. Да молодой, красивый, одет как картинка; лошади, коляски какие. А сердце-то ведь не камень. Ну, и стал присватываться, она не прочь: чего еще, жених хоть куда и богатый. Только положили так, чтоб отсрочить свадьбу до зимы: еще мужу год не вышел, еще траур носила. А он, между тем временем, каждый день ездит к нам как жених, и подарки, и букеты возит. И так она в него вверилась, и так расположилась, что стала совсем как за мужа считать. Да и он без церемонии стал ее добром, как своим, распоряжаться. Что твое, что мое, говорит, это все одно. А ей это за радость: «Значит, говорит, он мой, коли так поступает; теперь у нас, говорит, за малым дело стало, только повенчаться».

Глафира Фирсовна. Да, за малым! Ну, нет, не скажи! Что ж дальше-то? Траур кончился, зима пришла...

Михевна. Зима-то пришла, да и прошла, да вот и другая скоро придет.

Глафира Фирсовна. А он все еще в женихах числится?

Михевна. Все еще в женихах.

Глафира Фирсовна. Долгонько. Пора б порешить чем-нибудь, а то что людей-то срамить!

Михевна. Да чем, матушка! Как мы живем? Такая-то тишина, такая-то скромность, прямо надо сказать, как есть монастырь. Мужского духу и в заводе нет. Ездит один Вадим Григорьич, что греха таить, да и тот больше в сумеречках. Даже которые его приятели и тем к нам ходу нет. Есть у него один такой, Дергачев прозывается, тот раза два, было, сунулся.

Глафира Фирсовна. Не попотчуют ли, мол, чем?

Михевна. Ну, конечно, человек бедный, живет впроголодь – думает и закусить, и винца выпить. Я так их и понимаю. Да я, матушка, пугнула его. Нам не жаль, да бережемся: мужчины чтоб ни-ни, ни под каким видом. Вот как мы живем. И все-то она молится, да постится, бог с ней.

Глафира Фирсовна. Какая ж тому причина, с чего ей?..

Михевна. Чтоб женился. Уж это всегда так.

Глафира Фирсовна. А я так думаю, что не даст ей бог счастья. Родню забывает... Уж коли задумала она капитал размотать, так лучше бы с родными, чем с чужими. Взяла бы хоть меня; по крайности, и я бы пожила в удовольствие на старости лет...

Михевна. Это уж ее дело; а я знаю, что у ней к родным расположение есть.

Глафира Фирсовна. Незаметно что-то. Сама прочь от родных, так и от нас ничего хорошего не жди, особенно от меня. Женщина я не злая, а ноготок есть, удружить могу. Ну, вот и спасибо, только мне и нужно: все я от тебя вызнала. Что это, Михевна, как две бабы сойдутся, так они наболтают столько, что в большую книгу не упишешь, и наговорят того, что, может быть, и не надо?

Михевна. Наша слабость такая, женская. Разумеется, по надежде говоришь, что ничего из этого дурного не выдет. А кто же вас знает: в чужую душу не влезешь, может, вы с каким умыслом выпрашиваете. Да вот она и сама, а я уж по хозяйству пойду. (*Уходит.*)

Входит Юлия Павловна.

Явление второе

Глафира Фирсовна, Юлия.

Юлия (*снимая платок*). Ах, тетенька, какими судьбами? Вот обрадовали!

Глафира Фирсовна. Полно, полно, уж будто и рада?

Юлия. Да еще бы! Конечно, рада. (*Целуются.*)

Глафира Фирсовна. Бросила родню-то, да и знать не хочешь! Ну, я не спесива, сама пришла; уж рада не рада ль, а не выгонишь, ведь тоже родная.

Юлия. Да что вы! Я родным всегда рада; только жизнь моя такая уединенная, никуда не выезжаю. Что делать-то, уж такая я от природы! А ко мне всегда милости просим.

Глафира Фирсовна. Что это ты, как мещанка, платком покрываешься? Точно сирота какая.

Юлия. Да и то сирота.

Глафира Фирсовна. С таким сиротством еще можно жить. Ох, сиротами-то зовут тех, кого пожалеть некому, а у богатых вдов печальники найдутся! Да я бы, на твоём месте, не то что в платочке, а в аршин бы шляпу-то соорудила, развалилась в коляске, да и покатывай! На, мол, смотри!

Юлия. Не удивишь нынче никого, что ни надень. Да и мне рядиться-то не к чему и не к месту было, – я к вечерне ходила.

Глафира Фирсовна. Да, уж тут попугаем-то вырядиться не для кого, особенно в будни. Да что ты долго? Вечерни-то давненько отошли.

Юлия. Да после вечерни-то свадьба была простенькая, так я осталась посмотреть.

Глафира Фирсовна. Чего это ты, милая, не видала? Свадьба, как свадьба. Чай, обвели да и повезли, не редкость какая.

Юлия. Все-таки, тетенька, интересно на чужую радость посмотреть.

Глафира Фирсовна. Ну, посмотрела, позавидовала чужому счастью и довольно. Аль ты свадьбы-то смотришь, как мы, грешные? Мы так глаза-то вытаращим, что не то, что бриллианты, а все булавки-то пересчитаем. Да еще глазам-то не верим, так у всех провожатых и платья, и блонды перешушаем, настоящие ли?

Юлия. Нет, тетенька, я в народе не люблю: я издали смотрела; в другом приделе стояла. И какой случай! Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят, уставилась на жениха-то, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья так и полились. Жалко мне ее стало, подошла я к ней, чтобы разговорить, да увести поскорее. И сама-то плачу.

Глафира Фирсовна. Ты-то об чем, не слышать ли?

Юлия. Заговорили мы: «Пойдемте, говорю я, дорогой потолкуем! Мы тут со слезами-то не лишние ли?» – «Вы-то, не знаю, говорит, а я лишняя». Посмотрела с минуточку на жениха, кивнула головой; прошептала «прощай», и пошли мы со слезами.

Глафира Фирсовна. Дешевы слезы-то у вас.

Юлия. Уж очень тяжело это слово-то «прощай». Вспомнила я мужа-покойника: очень я плакала, как он умер; а как пришлось сказать «прощай», – в последний раз, – так ведь я было сама умерла. А каково сказать: «Прощай на век» живому человеку? Ведь это хуже, чем похоронить.

Глафира Фирсовна. Эка у вас печаль по этим заблужденным! Да бог с ней! Всякая должна знать, что только божье крепко.

Юлия. Так-то так, тетенька, да коли любишь человека, коль всю душу в него положила?

Глафира Фирсовна. И откуда это в вас такая горячая любовь проявляется?

Юлия. Что ж делать-то! Ведь уж это кому как дано. Конечно, кто любви не знает, тем легче жить на свете.

Глафира Фирсовна. Э, да что нам до чужих! Поговорим о себе! Как твой-то сокол?

Юлия. Какой мой сокол?

Глафира Фирсовна. Ну, как величать-то прикажешь? Жених там, что ли? Вадим Григорич.

Юлия. Да как же?.. Да откуда ж вы?

Глафира Фирсовна. Откуда узнала-то? Слухом земля полнится: хоть в трубы еще не трубят, а разговор идет.

Юлия (*конфузясь*). Да теперь скоро, тетенька, свадьба у нас.

Глафира Фирсовна. Полно, так ли? Не надежен он, говорят, да и мотоват очень.

Юлия. Уж каков есть, такого и люблю.

Глафира Фирсовна. Удерживать бы немножко.

Юлия. Как можно, что вы говорите! Ведь не жена еще; как я смею что-нибудь сказать? Вот бог благословит, тогда другое дело; а теперь я могу только лаской да угождением. Кажется, рада бы все отдать, только б не разлюбил.

Глафира Фирсовна. Что ты, стыдись! Молодая, красивая женщина, да на мужчину разоряться! не старуха ведь.

Юлия. Да я и не разоряюсь, и не думала разоряться: он сам богат. А все ж таки, чем-нибудь привязать нужно. Живу я, тетенька, в глуши, веду жизнь скромную, следить за ним не могу: где он бывает, что делает... Иной раз дня три, четыре не едет, чего не передумаешь; рада бог знает что отдать, только бы увидеть-то.

Глафира Фирсовна. Чем привязать, не знаешь? А ворожба-то на что! Чего другого, а этого добра в Москве не занимать стать. Такие снадобья знают, испробованные. Я дамы четыре знаю, которые этим мастерством занимаются. Вон Манефа говорит: «Я своим словом на краю света, в Америке, достану и там на человека тоску да сухоту нагоню. Давай двадцать пять рублей в руки, из Америки ворочу». Вот ты бы съездила.

Юлия. Нет, что вы! как это можно?

Глафира Фирсовна. Ничего. А то есть один отставной секретарь, горбатый; так он и ворожит, и на фортепьянах играет, и жестокие романсы поет, – так оно для влюбленных-то как чувствительно!

Юлия. Нет, ворожить я не стану.

Глафира Фирсовна. А ворожить не хочешь, так вот тебе еще средство: коли чуть долго не едет к тебе, сейчас его, раба божьего, в поминанье за упокой! Какую тоску-то нагонишь, мигом прилетит...

Юлия. Ничего этого не нужно.

Глафира Фирсовна. Греха боишься? Оно точно, что грех.

Юлия. Да и не хорошо.

Глафира Фирсовна. Так вот тебе средство безгрешное: можно и за здравие, только свечку вверх ногами поставить: с другого конца зажечь. Как действует!

Юлия. Нет, уж вы оставьте! Зачем же!

Глафира Фирсовна. А лучше-то всего, вот наш тебе совет: брось-ко ты его сама, пока он тебя не бросил.

Юлия. Ах, как можно! что вы! Всю жизнь-то положивши... да я жива не останусь.

Глафира Фирсовна. Потому как нам, родственным людям, сраму от тебя переносить не хочется. Послушай-ко, что все родные и знакомые говорят!

Юлия. Да что им до меня! Я никого не трогаю, я совершеннолетняя.

Глафира Фирсовна. А то, что нигде показаться нельзя, везде опросы да насмешки: «Что ваша Юлинька? Как ваша Юлинька?» Вон посмотри, как Флор Федулыч расстроен через тебя.

Юлия. И Флор Федулыч?

Глафира Фирсовна. Я его недавно видела; он сам хотел быть у тебя сегодня.

Юлия. Ай, стыд какой! Зачем это он? Такой почтенный старик.

Глафира Фирсовна. Сама себя довела.

Юлия. Я его не приму. Как я стану с ним разговаривать? С стыда сгоришь.

Глафира Фирсовна. Да ты не очень бойся-то. Он хоть строг, а до вас, молодых баб, довольно-таки снисходителен. Человек одинокий, детей нет, денег двенадцать миллионов.

Юлия. Что это, тетенька, уж больно много.

Глафира Фирсовна. Я так, на счастье говорю, не пугайся: мои миллионы маленькие. А только много, очень много, страсть сколько деньжищев! Чужая душа – потемки: кто знает, кому он деньги-то оставит. Вот все родные-то перед ним и раболепствуют. И тебе тоже его огорчать-то бы не надо.

Юлия. Какая я ему родня! Седьмая вода на киселе, да и то по мужу.

Глафира Фирсовна. Захочешь, так родней родни будешь.

Юлия. Я этого не понимаю, тетенька, и не желаю понимать.

Глафира Фирсовна. Очень просто: исполняй всякое желание его, всякий каприз, так он еще при жизни тебя озолотит.

Юлия. Надо знать, какие у него капризы-то! Другие капризы и за ваши двенадцать миллионов исполнять не согласишься.

Глафира Фирсовна. Капризные старики кому милы, конечно. Да старик-то он у нас чудной: сам стар, а капризы у него молодые. А ты разве забыла, что он твоему мужу был первый друг и благодетель? Твой муж перед смертью приказывал ему, чтоб он тебя не забывал, чтоб помогал тебе и советом, и делом, и был тебе вместо отца.

Юлия. Так не я забыла-то, а он. После смерти мужа я его только один раз и видела.

Глафира Фирсовна. Можно ль с него требовать? Мало ль у него делов-то без тебя! У него все это время мысли были заняты другим. Сирота у него была на попечении, красавица, получше тебя гораздо; а вот теперь он отдал ее замуж, мысли-то у него и освободились, и об тебе вспомнил, и до тебя очередь дошла.

Юлия. Очень я благодарна Флору Федулычу, только я никаких себе попечителей не желаю, и напрасно он себя беспокоит.

Глафира Фирсовна. Не отталкивай родню, не отталкивай! Проживешься до нитки, куда денешься? К нам же прибежишь.

Юлия. Ни к кому я не пойду; гордость моя не позволит, да мне и незачем. Что вы мне бедность пророчите! Я не маленькая: и сама собою, и своими деньгами я распорядиться сумею.

Глафира Фирсовна. А я другие разговоры слышала.

Юлия. Нечего про меня слышать. Конечно, от сплетен не убережешься, про всех говорят, особенно прислуга; так хорошему человеку, солидному, стыдно таким вздором заниматься.

Глафира Фирсовна. Вот так! Сказала, как отрезала. Так и знать будем.

Входит Михевна.

Явление третье

Юлия, Глафира Фирсовна и Михевна.

Михевна. Чай готов, не прикажете ли?

Глафира Фирсовна. Нет, чай, бог с ним! Вот чудо-то со мной, вот послушай! Как вот этот час настанет, и начинает меня на съестное позывать. И с чего это случилось?

Юлия. Так можно подать.

Глафира Фирсовна. Зачем подавать! У тебя, ведь, я чай, есть такой шкафчик, где все это соблюдается – и пропустить можно маленькую, и закусить! Я не спесива: мне огурец – так огурец, пирог – так пирог.

Юлия. Есть, тетенька, как не быть!

Глафира Фирсовна. Вот мы к нему и пристроимся. Перекушу я малым делом, да уж и пора мне. Засиделась я у тебя, а мне еще через всю Москву шествовать.

Юлия. Неужели такую даль пешком? Тетенька, если вы не обидитесь, я бы предложила вам на извозчика. *(Внимает рублевую бумажку.)* А то лошадь заложить?

Глафира Фирсовна. Не обижусь. От другого обижусь, а от тебя нет, не обижусь, от тебя возьму. *(Берет бумажку.)* Когда тут лошадь закладывать!

Юлия и Глафира Фирсовна уходят в дверь направо, Михевна идет за ними. Звонок.

Явление четвертое

Михевна, потом Дергачев.

Михевна. Ну, уж это Вадим Григорьич, по звонку слышу. (*Идет к двери, навстречу ей Дергачев.*) Ох, чтоб тебя!

Дергачев (*важно*). Я желаю видеть Юлию Павловну.

Михевна. Ну, да мало ль что вы желаете. К нам, батюшка, в дом мужчины не ходят. И кто это вас пустил? Сколько раз говорила девкам, чтоб не пускали.

Дергачев (*пожимая плечами*). Вот нравы!

Михевна. Ну да, нравы! Пускать вас, так вы повадитесь.

Дергачев. Я не за тем пришел, чтоб твои глупости слушать. Доложи, милая, Юлии Павловне.

Михевна. Да, милый, нельзя.

Дергачев. Что за вздор! Мне нужно видеть Юлию Павловну.

Михевна. Ну, да ведь не особенная какая надобность!

Дергачев. У меня есть письмо к ней.

Михевна. А письмо, так давай его сюда и ступай с богом.

Дергачев. Я должен отдать в собственные руки.

Михевна. И у меня свои собственные руки, не чужие. Чего боишься? Не съем его!

Входит Юлия Павловна.

Явление пятое

Дергачев, Михевна, Юлия Павловна.

Юлия. Что у вас тут за разговор? А, Лука Герасимыч, здравствуйте!

Дергачев. Честь имею кланяться. Письмо вот от Вадима. *(Подает письмо.)*

Юлия. Покорно вас благодарю. Ответа не нужно?

Дергачев. Ответа не нужно-с; он сам заедет.

Юлия. Что, здоров он?

Дергачев. Слава богу-с.

Михевна. Не держи ты его, отпусти поскорее, что хорошего?

Дергачев. Могу я его здесь подождать-с?

Юлия. Лука Герасимыч, извините! Я жду одного родственника, старика, понимаете?

Михевна. Да, Герасимыч, ступай, ступай!

Дергачев. Герасимыч! Какое невежество!

Михевна. Не взыщи!

Юлия. Не сердитесь на нее, она женщина простая. До свидания, Лука Герасимыч!

Дергачев. До свидания, Юлия Павловна! Как ни велика моя дружба к Вадиму, но уж подобных поручений я от него принимать не буду, извините-с! Я сам ему предложил-с! Я думал провести время...

Михевна. Ну, что еще за разговоры развел?

Юлия. Что делать, у нас это не принято. *(Кланяется.)*

Михевна (Юлии). Глафира Фирсовна ушла?

Юлия. Ушла.

Михевна (Дергачеву). Пойдем, пойдем, я провожу.

Дергачев раскланивается и уходит. Михевна за ним.

Явление шестое

Юлия, потом Михевна.

Юлия (*раскрывает письмо и читает*). «Милая Юлия, я сегодня буду у тебя непременно, хоть поздно, а все-таки заеду». Вот это мило с его стороны. (*Читает.*) «Не сердись, моя голубка»... (*Повторяет.*) «Моя голубка». Как хорошо пишет. Как на такого голубя сердиться! (*Читает.*) «Я все эти дни не имел минуты свободной: все дела и дела и, надо признаться, не очень удачные. Я все более и более убеждаюсь, что мне без твоей любви жить нельзя. И хотя я подвергаю ее довольно тяжким испытаниям и сегодня же потребую от тебя некоторой жертвы, но ты сама меня избаловала, и я уверен заранее, что ты простишь все твоему безумному и безумно любящему тебя Вадиму».

Входит Михевна.

Михевна. Кто-то подъехал, никак Флор Федулыч?

Юлия (*прячет письмо в карман*). Так ты поди, сядь в передней, да посматривай хорошенько! Если приедет Вадим Григорьич, проводи его кругом, да попроси подождать в угольной комнате. Скажи, мол, дяденька у них.

Михевна уходит. Входит Флор Федулыч.

Явление седьмое

Юлия, Флор Федулыч.

Флор Федулыч (*кланяясь и подавая руку*). Честь имею... Прошу извинить!

Юлия. Забыли, Флор Федулыч, забыли. Прошу садиться.

Флор Федулыч. Да-с, давненько. (*Садится.*)

Юлия (*сидясь*). Я ведь никуда, Флор Федулыч, я все дома – а ежели ко мне кто, я очень рада.

Флор Федулыч. Здоровьице ваше?

Юлия. Да ничего, я... слава богу...

Флор Федулыч. Дюшесы нынче не дороги-с...

Юлия. Что вы так смотрите на меня, Флор Федулыч? Переменилась я?

Флор Федулыч. К лучшему-с.

Юлия. Ну, что вы, не может быть!

Флор Федулыч. Позвольте, позвольте-с! В том мы не ошибаемся, на том стоим. Очаровательность женскую понимаем. (*Осматривая комнату.*) Домик-то так после смерти супруга и не отделявали?

Юлия. Кто у меня бывает, кто его видит! Зачем же лишний расход?

Флор Федулыч. Что касается приличия, то никогда не лишнее, а даже необходимое-с. А дом этот точно отделять не стоит. Он почти за чертой города, доходу не приносит, состоит при фабрике, которая давно нарушена, ну, и значит, вам надо это имение продать.

Юлия. А где же мне жить, Флор Федулыч?

Флор Федулыч. Зачем же вам жить в захолустьи и скрывать себя? Вы должны жить на виду и дозволить нам любоваться на вас. Патти не приедет-с.

Юлия. Очень жаль, так я ее и не услышу.

Флор Федулыч. Не услышите-с. Да ведь у вас есть другой дом, в городе-с. Отделать там небольшую квартиру, комнат шесть-семь, хороших: две-три гостиные-с, будуар. Мебель а ля Помпадур-с.

Юлия. Сколько хлопот, да и не привычна я к такой жизни.

Флор Федулыч. Хлопоты-с эти не ваше дело-с, это я беру на себя; вам только и труда будет переехать-с. А если вы не привычны к такой жизни, так мы вас постепенно приучим.

Юлия. Покорно вас благодарю.

Флор Федулыч. А лошадок держите?

Юлия. Пару продала, а то все те же, старые.

Флор Федулыч. Пора переменить-с; да это дело минутное, не стоит и говорить-с. Экипажи тоже надо новенькие, нынче другой вкус. Нынче полегче делают и для лошадей, и для кармана; как за коляску рублей тысячу с лишком отдашь, так в кармане гораздо легче сделается. Хоть и грех такие деньги за экипаж платить, а нельзя-с, платим, – наша служба такая. Я к вам на днях каретника пришлю, можно будет старые обменять с придачею.

Юлия. Все это напрасно, Флор Федулыч, мне ничего не нужно.

Флор Федулыч. Не то, что напрасно, а обойтись нельзя без этого. Уж если у нас бабы, пудов в семь весом, в таких экипажах разъезжают, так уж вам-то, при вашей красоте, в забвении-с быть невозможно-с. Абонемент на настоящий сезон не имеете?

Юлия. Нет, я еще об этом не подумала.

Флор Федулыч. Что прикажете: кресло, бельэтаж-с?

Юлия. Не беспокойтесь, если вздумаю, так еще успею достать.

Флор Федулыч. Теперь позвольте объяснить, в чем состоит цель моего визита.

Юлия. Сделайте одолжение.

Флор Федулыч. Денег приехал занять у вас, Юлия Павловна.

Юлия. Денег? да на что вам? у вас своих девать некуда.

Флор Федулыч. Мы найдем место, употребим с пользой. Я вам хорошие проценты дам.

Юлия. А много ли же вам нужно?

Флор Федулыч. Да все пожалуйста, все, что у вас есть.

Юлия. А у меня-то что ж останется?

Флор Федулыч. Да вам и не след иметь деньги, это не женское дело-с. Женское дело – проживать, тратить; а сберегать капиталы, в настоящее время, и для мужчины довольно хитро, а для женщины невозможно-с.

Юлия. Вы так думаете, Флор Федулыч?

Флор Федулыч. Не думаю, а наверно знаю. У женщины деньги удержаться не могут, их сейчас отберут. До прочих нам дела нет; а вас мы беречь должны. Коли мы за вашими деньгами не усмотрим, нам будет грех и стыдно. Ведь если вас оберут, мы заплачем. А вы мне пожалуйста ваши деньги и все бумаги, я вам сохранную расписку дам и буду вашим кассиром. Капитал ваш останется неприкосновенным, а сколько вам потребуется на проживание, сколько бы ни потребовалось, вы всегда можете получить от меня.

Юлия. Но я могу прожить более того, сколько мне следует процентов.

Флор Федулыч. Это не ваши расчеты; и барыш мой, и убыток мой, на то мы и купцы. Ваше дело – жить в удовольствии, а наше дело – вас беречь и лелеять.

Юлия. Даром я ничьих услуг принимать не желаю: чем же я заплачу вам за ваши заботы?

Флор Федулыч. Разве дети платят что-нибудь своим родителям?

Юлия. Платят, Флор Федулыч, и очень дорого: платят любовью.

Флор Федулыч. Так ведь и мне, кроме этого, ничего не нужно-с.

Юлия. Я вам очень благодарна за доброту; но принять вашего предложения решительно не могу.

Флор Федулыч. Почему же-с?

Юлия. Я выхожу замуж.

Флор Федулыч. Это дело другого роду-с. Позвольте полюбопытствовать! Имя, отчество и звание вашего будущего супруга?

Юлия. Я теперь не могу сказать: еще дело не решено.

Флор Федулыч. Хоть и не решено, но зачем же скрывать-с? Тут дурного ничего нет-с. Я могу быть вам полезен, могу лучше вас разузнать о человеке и вовремя предупредить, если дело не подходящее. Не шутка-с, счастье и несчастье всей жизни зависит.

Юлия. Нет, Флор Федулыч, в таком деле я на людей полагаться не хочу, я сама желаю устроить свою жизнь.

Флор Федулыч (*встает*). Как вам будет угодно-с. Значит, мои услуги вам не нужны-с?

Юлия. Очень жалею, Флор Федулыч, что не могу принять их.

Флор Федулыч. Значит, вы всем довольны и счастливы? Это очень приятно видеть-с. Ну, хоть какой-нибудь нужды, хоть какой-нибудь надобности нет ли у вас? Доставьте мне удовольствие исполнить вашу просьбу!

Юлия. Мне решительно ничего не нужно.

Флор Федулыч. И дай бог, и дай бог, чтоб всегда так было-с. А ежели чего, сохрани бог...

Юлия. Какая б у меня ни была нужда, я к родным не пойду за милостыней.

Флор Федулыч. Не о милостыне речь-с...

Юлия. Ничего у родных и знакомых, Флор Федулыч, ничего, это мое правило.

Флор Федулыч. Но, во всяком случае, прошу не забывать-с! Милости прошу откушать как-нибудь. Я всякий день дома-с; от пяти до семи часов-с, больше времени свободного не имею-с.

Юлия. Благодарю вас. Постараюсь, Флор Федулыч.

Флор Федулыч. Честь имею кланяться. (*Идет к двери.*) Росси изволили видеть?

Юлия. Нет, я ведь совершенно никуда.

Флор Федулыч. Хороший актер-с. Оно довольно для нас непонятно, а интересно посмотреть-с. До свидания-с. (*Уходит.*)

Из боковой двери выходит Дульчин.

Явление восьмое

Юлия, Дульчин.

Юлия (*бросаясь к Дульчину*). Ах, милый, ты уж здесь?

Дульчин. Здравствуй, Юлия, здравствуй!

Юлия (*вглядываясь*). Ты чем-то расстроен?

Дульчин. Отвратительное положение.

Юлия. Что такое? Говори скорей!

Дульчин. Ох, уж мне совестно и говорить-то тебе.

Юлия. Да что, скажи, не мучь меня!

Дульчин. Денег нужно.

Юлия. Много?

Дульчин. Много.

Юлия. Ах, милый мой, да давно ли...

Дульчин (*хватаясь за голову*). А, черт возьми! Уж я не знаю, давно ли, – теперь нужно, платить по векселю нужно, – завтра срок.

Юлия. Что ты прежде не подумал, отчего не предупредил меня?

Дульчин. Совсем из головы вон. Да я надеялся, что он отсрочит, он столько пользовался от меня. А вчера вдруг, ни с того, ни с сего, «нет, говорит, тебе больше кредиту, плати».

Юлия. Да кто он-то?

Дульчин. Салай Салтаныч. А кто он такой, кто же его знает. Обалдуй-Оглы Тараканов... турецкий жид, армянский грек, туркмен, бухарец... восточный человек... Разве в них жалость есть, он зарежет равнодушно.

Юлия. Как же быть-то?

Дульчин. Как быть? Надо платить.

Юлия. Где же взять-то?

Дульчин. Где-нибудь надо. Мне не дадут, конечно, и толковать нечего.

Юлия. Отчего же, мой друг?

Дульчин. В Москве и всегда было мало кредиту, потому он и дорог; а теперь и совсем нет. Капиталисты – какие-то скептики. Далеко еще нам до Европы; разве у нас понимают, что кредит – великий двигатель? Ну, что мы, крупные землевладельцы, без кредиту? Все равно, что без рук. Подумай хорошенько, Юлия, поищи, попроси у кого-нибудь!

Юлия. Где же мне искать, у кого просить? Решительно не у кого.

Дульчин. Ах, отчаяние! Вот! урок, вот урок! Ведь меня арестуют!

Юлия (*испугавшись*). Как арестуют?

Дульчин. Так; посадят в знаменитую московскую яму. Ведь это конец всякой репутации, всякого кредита.

Юлия. Ах, мой милый, так надо искать денег, непременно надо.

Дульчин. «Надо, надо!» Разумеется, надо. А как найдешь? (*Махнув рукой.*) Э, да что тут! Лучше не искать.

Юлия. Что же? как же?

Дульчин. Так. Сесть в яму попробовать.

Юлия. Ах, срам! Что ты, что ты?

Дульчин. Может быть, это образумит меня несколько, исправит. Ведь ты все-таки меня будешь любить, не разлюбишь за это?

Юлия. Какие глупости!

Дульчин. Одного только боюсь: потеряешь уважение к себе, потеряешь самолюбие. А без самолюбия легко сделаться грязным трактирным героем или шутком у богатых людей. Нет, уж лучше пулю в лоб.

Юлия. Ах, перестань! Какие страшные вещи ты говоришь.

Дульчин. Нисколько не страшно. А коли, на твой взгляд, это уж очень страшно кажется, так ищи денег.

Юлия. погоди, дай подумать. Вот сейчас у меня был богатый человек; он обещал и предлагал мне все, что я пожелаю.

Дульчин. Вот и прекрасно! Что же ты ему сказала?

Юлия. Я ему сказала, что ни в чем не нуждаюсь, что у меня свой капитал; да если б и нуждалась, так от него ничего и никогда не приму.

Дульчин. Зачем же это, Юлия, зачем? Это просто возмутительно! Эх вы, женщины! Человек набивается с деньгами, а ты его гонишь прочь. Такие люди нужны в жизни, очень нужны, пойми ты это!

Юлия. Да ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо итти к нему на содержание.

Дульчин. Да... вот что... Ну, конечно... а впрочем...

Юлия. Как: «впрочем»? Ты с ума сошел?

Дульчин. Нет, я не то... Все-таки с ним нужно поласковее. А так, по знакомству, он не даст тебе? Взаимы не даст?

Юлия. Не знаю, едва ли. Но как просить у него? Сказать ему, что я солгала, что у меня капитала уж нет? Так ведь надо объяснить, куда он делся. Придется выслушивать разные упреки и сожаления, а может быть, и неучтивый презрительный отказ. Сколько стыда, унижения перенесешь! Ведь это пытка!

Дульчин (*целуя руки Юлии*). Юлия, голубушка, попроси, спаси меня!

Юлия. Надо спасать, нечего делать. Тяжело будет и стыдно, ох, как стыдно.

Дульчин. Это уж последняя твоя жертва, клянусь тебе!

Юлия (*задумавшись*). Я думаю, что попрошу. У женщин есть средство хорошее: слезы. Да коли они от души, так должны подействовать.

Дульчин. Нет, зачем, нет, зачем! Юлинька, ангел мой, он тебе и так не откажет. Ты пококетничай с ним, я позволяю.

Юлия. Ты позволяешь, да я-то себе не позволю. (*Со слезами.*) А лгу, ведь, может быть, и позволю. Что не сделает женщина для любимого человека? (*Подумав.*) Много ли тебе нужно?

Дульчин. Я должен около пяти тысяч, а ты проси уж больше, проси шесть. Нужно заплатить за квартиру.

Юлия. За квартиру заплачено.

Дульчин. Я и не знал. Надо расчесться с извозчиком за коляску за два месяца.

Юлия. Я заплатила.

Дульчин. Ах, какая я дрянь! Зачем ты платила за меня, зачем?

Юлия. Э, мой друг, я не жалею денег, был бы только ты счастлив.

Дульчин. Да ведь я жгу деньги, просто жгу, бросаю их без толку, без смысла.

Юлия. И жги, коли это доставляет тебе удовольствие.

Дульчин. В том-то и дело, что не доставляет никакого, а, напротив, остается после только одно раскаяние, отчаянное, каторжное, которое грызет мне душу. Одно еще только утешает, спасает меня...

Юлия. Что, скажи?

Дульчин. То, что я могу еще исправиться; потому что я не злой, не совсем испорченный человек. Другие губят и свое, и чужое состояние хладнокровно; а я сокрушаюсь, на меня напа-

дают минуты страшной тоски. А как бы мы могли жить с тобой, если б не мое безумие, если б не моя преступная распущенность!

Юлия. Мы и теперь можем жить хорошо. Нет чистых денег, так у меня еще два дома, заложенных правда, да ведь они чего-нибудь стоят; у тебя большое имение. Ты займешься хозяйством, будешь служить, я буду экономничать.

Дульчин. Да, Юлинька, пора мне переменить жизнь. Это я могу, я себя пробовал, стоит только отказаться от излишней роскоши. Я могу работать: я учился всему, я на все способен. Меня только баловать не нужно, баловать не нужно, Юлия... Уж это будет твоя последняя жертва для меня, последняя.

Юлия. Я на всякие жертвы готова для тебя, мой милый, только я должна признаться, мое положение становится очень тяжело для меня. Мои родные и знакомые откуда-то проведали о тебе и начинают меня мучить своим участием и советами.

Дульчин. Что твои родные! Стоит обращать на них внимание. Их успокоить легко. Только бы мне расплатиться с этим долгом, я переменяю жизнь и кончено. А то, поверишь ли, у меня руки и ноги трясутся: я так боюсь позора.

Юлия. Да расплатимся, расплатимся, не беспокойся!

Дульчин. Верно, Юлия?

Юлия. Верно, мой милый, верно: чего бы мне ни стоило, я через час достану тебе денег.

Дульчин. Только ты помни, что это твоя последняя жертва. Теперь для меня настанет трудовая жизнь; труд, и труд постоянный, непрерывный: я обязан примирить тебя с родными и знакомыми, обязан поправить твое состояние, это мой долг, моя святая обязанность. Успокой своих родных, пригласи их всех как-нибудь на днях, хоть в воскресенье. Я не только их не видывал, я даже по именам их не знаю, а надо же мне с ними познакомиться.

Юлия. Да, да, конечно, надо.

Дульчин. Вот мы их и удивим: явимся с тобой перед ними и объявим, что мы жених и невеста, и пригласим их через неделю на свадьбу.

Юлия. Что же значат все мои жертвы! Ты мне даришь счастье, ты мне даришь жизнь. Какое блаженство! Я никогда в жизни не была так счастлива. Я не нахожу слов благодарить тебя, милый, милый мой!

Дульчин. Юлия, ты мало себя ценишь; ты редкая женщина, я отдаю тебе только должное.

Юлия (*положив руки на плечи Дульчина*). Нет, я тебя не стою. Ты моя радость, моя гордость! Нет и не будет женщины счастливее меня. (*Прилегает к нему на грудь.*)

Действие второе

Действующие лица

Флор Федулыч Прибытков.

Глафира Фирсовна.

Лавр Мироныч Прибытков, племянник Флора Федулыча, полный красивый брюнет, с внушительной физиономией, большие бакенбарды, тщательно расчесанные, одет богато и с претензиями. Держит себя прямо, важно закидывает голову назад, но с дядей очень почтителен.

Ирина Лавровна, его дочь, девица 25 лет, с запоздалой и слишком смелой наивностью.

Юлия Павловна.

Василий, лакей Прибыткова.

Богатая гостиная, изящно меблированная; на стенах картины в массивных рамах, тяжелые драпировки и портьеры, в глубине дверь в залу, налево в кабинет.

Явление первое

Флор Федулыч сидит в креслах с газетою в руках. Входит Василий, потом Глафира Фирсовна.

Василий. Когда прикажете кушать подавать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.